

О СРОКАХ ДАВНОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Профилактика преступлений – особое направление внутренней государственной политики. Ее осуществление невозможно исключительно санкциями (наказаниями), без вспомогательных институтов уголовно-правового воздействия. Без них воздействие на преступный элемент в рамках права неполноценно. Неприменение определенных мер содействует появлению юридических вакуумов, способных создать угрозу системе общей и частной превенции. Личность преступника, а тем более педофила, является изощренной, в том числе с юридической стороны (системные знания, как избежать ответственности и увеличить максимальный диапазон латентности совершенных преступлений). Преступный опыт рассматриваемой сферы объединяет целые плацдармы индивидов, объединенных общим интересом – безнаказанное «общение» с ребенком с целью его эксплуатации, в том числе в сфере интернет-пространства («интернет-импакт несовершеннолетних» – процесс вербального и невербального воздействия преступника на потенциальную жертву, состоящий из алгоритмов, приемов и способов, используемых в открытом и закрытом интернет-сегменте, направленный на совершение преступлений либо иных противоправных действий путем формирования инициатором зависимого состояния объекта воздействия с целью его открытой или латентной эксплуатации). По самым осторожным оценкам экспертов, доля преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с помощью информационных технологий, достигает около 85 % от общей массы зарегистрированных уголовных дел.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь имеется множество составов преступлений, значительное количество которых обладают исключительной степенью общественной опасности и несут угрозу национальной безопасности страны. Институт сроков давности является вспомогательным инструментом уголовного права, направленным на превенцию отдельных их видов. Необходимо отметить, что сроки давности – период времени, прошедший после момента наступления юридического факта, с истечением которого связывается прекращение возможности наступления юридических последствий данного факта.

Вместе с тем освобождение от уголовной ответственности или наказания в связи с истечением сроков давности (ст. 85 УК) не применяется при совершении лишь отдельных преступлений против мира, безопасности человечества и военных преступлений, в то время как степень общественной опасности иных преступлений является также высокой.

Назревает вопрос: каковы причины применения сроков давности за половые преступления в отношении несовершеннолетних?

Отвечая на вопрос о неприменении сроков давности при привлечении к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 166, ч. 2 и 3 ст. 167 УК, отметим, что мы не основывались лишь на том, что подобные преступления обладают исключительной опасностью.

Во-первых, предложено изменить само название ст. 85 УК, включив в него указание на преступления рассматриваемого вида, что подчеркивало бы важность использования такого правового инструмента по отношению к указанной группе преступлений. Одновременно возникает риторический вопрос, почему нельзя использовать неприменение сроков давности к одним из самых латентных преступлений, предусмотренных УК, которое было бы лишь вспомогательным звеном в профилактике преступлений?

Во-вторых, будущее любого государства лежит в плоскости воспитания подрастающего поколения (правовое воспитание и правовая культура). В связи с этим защита прав и законных интересов детей являются стратегией национальной безопасности.

В-третьих, следует учитывать поведение потерпевших несовершеннолетних, которые в подавляющем большинстве случаев не сразу рассказывают о случившемся, а во многих случаях вообще не говорят об этом, что обуславливает возможность совершения преступником новых деяний, превращая их в серийные.

Изучение уголовных дел, значительного массива эмпирических данных, а также характер преступности рассматриваемого вида преступлений позволяют сделать вывод о целесообразности дополнения рассматриваемыми нормами статьи УК о неприменении сроков давности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Следует отметить также, что Республика Беларусь 7 января 1969 г. подписала Конвенцию ООН о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. Имплементированы положения Конвенции в ст. 85 УК, которые устанавливают, что сроки давности не применяются в отношении лиц, совершивших преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления. Согласно ч. 5 ст. 78 Уголовного кодекса Российской Федерации сроки давности не применяются при совершении преступлений против общественной безопасности, против мира и безопасности человечества, против конституционного строя и безопасности государства, сопряженные с осуществлением террористической деятельности. В соответствии с ч. 6 ст. 69 Уголовного кодекса Республики Казахстан не применяются сроки давности к лицам, совершившим преступления против мира и безопасности, террористические преступления, особо тяжкие преступления против личности (в отличие от УК других государств), конституционного строя и безопасности государства, преступления в сфере экономической деятельности, против общественной безопасности и порядка.

Таким образом, в УК Беларуси, России и Казахстана, конструировавших на основе Модельного уголовного кодекса государств – участников СНГ, ряд положений института давности сформулирован по-разному, однако при сохранении общих подходов к ключевым аспектам института давности, при соблюдении международных принципов, согласно которым не существует срока давности в отношении военных преступлений и преступлений против человечества. Исходя из вышеизложен-

ного, Республика Беларусь имеет полное право, не отходя от принципа международного права, сформированного в 1969 г., не использовать институт давности по примеру Казахстана за особо тяжкие преступления против личности, включив в этот список категорию тяжких преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Можно обоснованно утверждать, что гомосексуализм, педофилия, гендерная идентичность и прочее «мракобесие» в области нравственности и культуры – головы одной гидры. Эту главную мысль необходимо донести до компетентных государственных органов, осуществляющих борьбу с такими социально-деструктивными явлениями в нормотворческом русле. Мысли о юридической осторожности в процессе принятия эффективных уголовно-правовых норм (в том числе неприменения сроков давности по отдельным составам преступлений) невозможно выразить в теоретической плоскости. Рискованные нормотворческие эксперименты в масштабах государства – залог будущего успеха, который не зависит от филологической фикции и опасений ученых теоретиков. Данный тезис подтверждается активизацией всеми заинтересованными субъектами профилактики политики внедрения новых форм и методов предупреждения преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, вопросов, связанных с порнографией, а также вопросов маркировки информационной продукции, учитывая возрастной контент.

В связи с вышеизложенным конструирование нормы УК, по нашему мнению, необходимо строить в следующем формате: в ст. 85 абзац первый дополнить словами «а также преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних»;

дополнить данную статью п. 11 и 12 следующего содержания: «11) изнасилование (статья 166 настоящего Кодекса); 12) насильственные действия сексуального характера (статья 167 настоящего Кодекса)».

УДК 343.3

С.Н. Сухарев

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТ. 321 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Следует отметить, что отечественная уголовная политика в области реализации уголовных наказаний позволяет нам с уверенностью утверждать, что в настоящее время достигнуто беспрецедентное снижение количества лиц, приговоренных судами к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительных учреждениях.

Применение судами наказания в виде реального лишения свободы в отношении лиц, совершивших впервые преступления небольшой и средней тяжести, только в исключительных случаях, бесспорно, приводит к сосредоточению в местах лишения свободы наиболее опасных преступников, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, а также имеющих тот или иной вид рецидива преступлений. Результатом всего этого выступает стабильно высокий уровень количества осужденных, являющихся злостными нарушителями режима и состоящих на профилактическом учете.

Особую тревогу вызывает рост насильственной преступности. По итогам 2019 г. в исправительных учреждениях отмечался рост на 48 % (со 175 до 236) случаев неправомерных действий со стороны осужденных в отношении персонала учреждений уголовно-исполнительной системы, связанных с применением насилия.

Всего в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных по фактам противоправных действий в отношении персонала учреждений уголовно-исполнительной системы возбуждено 357 уголовных дел (на 43 % больше, чем в 2018 г. – 249), более половины из которых по ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества) – 217 уголовных дел (2018 г. – 178), увеличение на 22 %.

За последние 20 лет в Уголовный кодекс Российской Федерации внесено колоссальное количество изменений. Несмотря на это, ст. 321 УК РФ изменяла лишь свое название и то, по нашему мнению, не совсем удачно с «Дезорганизации нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» на «Дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества».

Во-первых, следует обратить внимание, что интересующее нас преступление называется «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» (ст. 321 УК РФ) и находит свое законодательное закрепление в гл. 32 «Преступления против порядка управления» УК РФ.

Естественно, первое, с чем мы сталкиваемся при первичной квалификации данного преступления, это то, что название статьи не в полной мере соответствует ее содержанию. В названии говорится о дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, а в содержании диспозиции статьи о применении либо угрозе применения насилия в отношении осужденных, сотрудников и их близких.

Какие-либо иные формы и способы дезорганизации в статье отсутствуют.

Можно утверждать, что лексическое наполнение термина «дезорганизация» имеет минимальное значение при доктринальном анализе рассматриваемого состава преступления, тогда как данному понятию в судебных актах уделяется, на наш взгляд, неоправданно большое внимание.

В половине изученных судебных решений суды исследуют вопрос о дезорганизации деятельности учреждений УИС. При этом единый подход судебных органов, к какому из элементов состава преступления следует относить признак дезорганизации, отсутствует. Более того, в решениях судов дезорганизация рассматривается как признак то объективной, то субъективной стороны данного преступления.